

ХРАНИТЕЛЬ...

Если честно, то я наверняка забыл бы про эту дату - ежесуточное безумие, именуемое у меня «работой», скоро приведет к тому, что даже фамилию свою я смогу правильно назвать, только свершившись с предусмотрительно засунутым в потайной карман паспортом (впрочем, не оправдываясь) наверняка забыл бы, если бы не Волода Быстров, мой давний коллега по «РИО» первого созыва и еще более давний почитатель Саши Башлачева. Когда он 17-го вечером позвонил, предложив сходить на Ковалёвское, я, грешным делом, решил, что он малость обсчитался: какие же пять лет? Не может быть! Как-то все время казалось, что печальные события февраля восьмидесят восьмого были совсем недавно, не прошло и... Впрочем, все верно. Время не ждет и власть требует предъявить билет в будущее, в то время как мы с судорожной угодливостью безбилетника шарим по карманам, тщетно надеясь отыскать там оправдательный документ своей медлительности. Вероятно, у всех, кто имел счастье слышать и видеть сашину выступления, было какое-то мистическое чувство причастности к истории: с первых его аккордов, с первого неуверенного - как бы на ощупь - перебора струн становилось ясно, что происходящее - не просто не случайно, но, как бы это сформулировать, напрямую транслируется в Вечность. Не могу сказать, что мы так уж часто встречались, но каждая из этих встреч отпечаталась так, будто относится к числу самых главных воспоминаний жизни. Он не стремился быть центром компании, не делал ни малейших попыток как-то специально привлечь к себе внимание окружающих - он просто присутствовал и это само по себе придавало происходящему какой-то иной, более глубокий, что ли, смысл.

Когда его не стало, основной темой разговоров о нем было даже не желание ответить на безответный по определению вопрос «почему?», а мысль о том, что написанное им, слетев, выстраданное не должно пропасть втуне, сохраниться лишь в нашей памяти и исчезнуть вместе с нами. И было много слов, и о-очень много умных размышлений, и деловых предложений, и совсем уж утопических проектов... А потом были впечатляющие по своим масштабам концерты, на которых «все звезды» хорошо говорили и так же хорошо пели - еще по-настоящему «все вместе», может быть, даже в самый последний раз - пеленьку пролегли уже трешники, еще не видные глазу, но глубокие и небратимо-прогрессирующие, в цоколе нашего собранного по камешку здания с гордой вывеской Русский Рок-н-ролл... И публика бодро скакала под фансовые гимны «буревестников перестройки» и тащилась от привалившей удачи - весь рок-н-рольный иконостас за один вечер - и спрашивала безымянная девушка из стаящего паверта у своего соседа: «А что, этот, кто это, Башлачев сам-то сегодня петь будет?»...

ДАВЕЧА в одной компании столкнулся с неким социологом активным юнкером из Литинститута (разрази меня гром, если я понимаю, как можно учить людей из писателей, поэтов, или там драматургов. Лев Толстой с Пушкиным Литинститута не кончали, а поди же ты, в учебниках присутствуют - впрочем, я опять отвлекся). Так вот, с юнкером этим я ввязался в тупой и бессмысленный по сути спор о сущности поэзии (вот что водка-то с людьми делает!) и как-то постепенно перешел на примеры из Башлачева, назвав его наиболее значительным из современных русских поэтов. Мой оппонент считал Сашаша эпигоном уж и не помню кого - чуть ли не Высоцкого - а на роль «самого-самого» предлагал кандидатуру Бродского. Я, конечно, Литинститута не кончал и не могу по достоинству оценить революционный (вероятно) вклад Бродского в какую-нибудь теорию рифмы или методологию метафоры («александрицы, там, то-се», - как

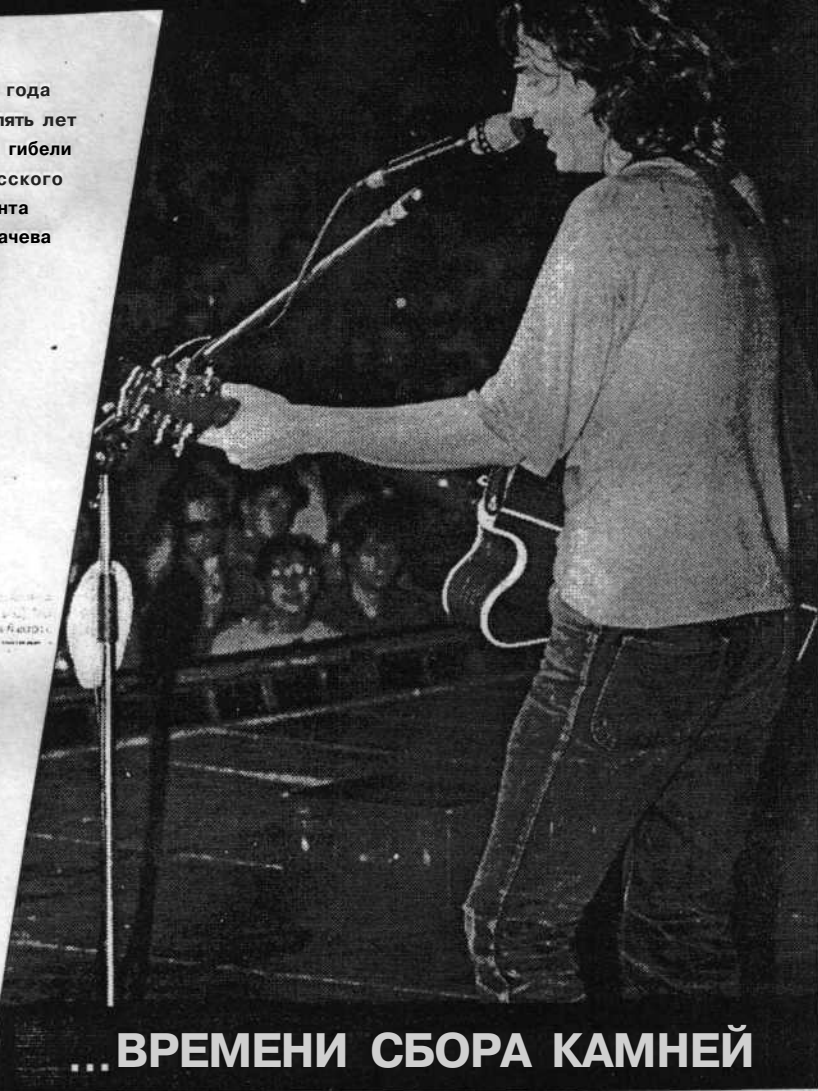
18 февраля 1993 года исполнилось ровно пять лет со дня трагической гибели замечательного русского поэта и музыканта Александра Башлачева

говаривал один герой Стругацких), и, особенно говоря, совсем не умяло того, что он сделал, хотя читать, наверное, не буду никогда (по мне лучше Пушкина вообще поэтов не бывает) - просто досадно стало, что вот сидит вооруженный новейшими теориями балбес и ни чета в Поэзии (именно с большой буквы) не понимает, и что Поэзия для него - это вроде фигурного катания: очки за технику, очки за артистизм - и ни слова о Душе, никаких разговоров о Жизни и Смерти (разве что как несколько цифр по обе стороны дефиса), и никакими силами ему не объяснить Как Это Было и Что Это Есть. Вот я и думаю, что, видно, слыховали мы: не смогли донести то, что СашБаш нам передал - разлии, расплескали в пустых и досуных разговорах по кулуарам стадионных супершоу.

ВООБЩЕ говоря, не все обстоит так уж печально. По крайней мере в том, что касается сашиного аудионаследия, сделано немало. Первую пластинку, еще в 1989-м, сделал (довольно неожиданно для многих) звукооператор нелюбимой независимой рок-критикой (и «РИО» в том числе) Рок-Лабораторией Саша Агеев. Семь песен, включая давшую пластинке имя «Время колокольчиков» и 12-минутную балладу «Ванюша», достаточно представительно отражали основные направления сашбашевского творчества. Примерно через год Кира Кувырдин на «Апреле» сделал «Третье столпию» - почти полное воспроизведение одного из двух магнитоальбомов, в середине 80-х сделанных главным башлачевским летописцем (а позднее «летописцем») Сережей Фирсовым на студии Алеши Вишни. Потом был загадочный для меня макси-сингл (или мини-альбом) на «Русском Диске», единственный отсутствующий у меня в коллекции, и, наконец, монументальный триптих, изданный на рубеже

вышедшего года «Филиями»: это два диска - поэзия, записанных 22 января 1986 года в Театре на Таганке во время концерта Башлачева перед трупой театра, в ту пору работавшей с А. Васильевым над спектаклем «Серсо». В лучших традициях аудио-документалистики, «Таганский концерт» включает не только сами песни, но и Сашины ремарки между ними, комментарии, ощущение аудитории и вообще дух Времени и Места... Пожалуй, для того, чтобы сегодня узнать Башлачева - никогда и слышав его в прошлом - лучше всего послушать именно этот альбом.

Разумеется, это далеко не все, что было записано им, уж не говоря о множественных и бессмысленных по сути компиляциях типа «Золотых веков русского рока» и иже были с ними: в большинстве случаев рукой издателей-компляторов двигало буднично-типовое желание сбочку прилепить к Великим и на их горбу везать в рай. Хотя и против этих «антологий» я не имею ничего: Бродский их - может, кому поможет. Хуже другое: до сих пор я не встречал ни одной сколько-нибудь серьезной и

...ВРЕМЕНИ СБОРА КАМНЕЙ

основательной попытки проанализировать поэтический мир и строй башлачевского творчества. А ведь его стих-несмотря на всю его воздушную легкость - сложен, многосложен, насыщен метафорами и аллюзиями, часто построен на целой цепочке прихотливых и неожиданных ассоциаций, извлечении внутреннего, глубокого, корневого смысла того или иного слова. «Видишь ли, - пытался пояснить он мне в сентябре 1987, - я на уровне синтаксиса как-то уже перестал мыслить, я мыслю (если это можно так назвать) на уровне морфологии: корней, суффиксов, приставок. Все происходит из корня. Понимаешь?... Я мыслю на уровне морфем, а ты меня на уровне синтаксиса спрашиваешь...» (Как-то раз он на полном серьезе предложил мне печатать его стихи-тексты в обычном порядке, а без «разбики на отдельные строфы и даже слова») Увы и ах! - до сих пор о сашиной поэзии не сказано ни одного профессионально литературоведческого слова (впрочем, может, мне такие работы просто на глаза не попадались - если не так, рад был бы ошибиться): наши восторги - это все же чистой воды дилеттанство. Хотелось бы сравнить сашин литинститутский юнкером его же собственным оружием.

ИЛЬЯ СМИРНОВ-лучший, на мой взгляд, московский журналист и блестящий историк- как-то выдвинул тезис о том, что сашина смерть совпала (и была знаком) с окончанием периода, которому он дал бы название «времени

колокольчиков» - називно-восторженной и болезненно-честной эпохи нашей юности, или, что вернее, юности нашего поколения. Но ведь юность преходяща и ее окончание - не конец жизни. Действительно, «поколение дворников и сторожей» (по удачному определению БГ) выросло и диссипировалось, расплодилось и в массе своей лишилось своего радикализма и бескомпромиссности - не думаю, что это плохо. В конце концов, каждое поколение должно вырастить своих детей и передать им свою веру, идеалы, знания - ну, а уж они будут бунтовать по-своему. «Время колокольчиков» закончилось гораздо раньше ухода Саши Башлачева: я бы даже сказал, что оно закончилось его появлением на нашем музыкально-поэтическом горизонте в 1985 году. Позволю себе процитировать еще одного безмерно уважаемого мною поэта Арсения Тарковского: «Я верю: гений приходит для того, чтобы затворить ворота за своей эпохой. Пушкини усадило то, что было до него - усадило и закрыл двери на замок». Так и СашБаш пришел для того, чтобы закрыть на замок время юности русского рока, оставив ему один путь - взрослеть и мучать, трезветь и уметь - короче, становиться взрослым. И не надо поэтому бояться разговоров о гастролях, тиражах, гонорарах, не стоит подкусывать за конформизм и терпимость вчерашних киноборцев и трешкизм, - жизнь и надо воспринимать ее с должным чувством юмора. И потом: кому как, а мне не хотелось бы, чтобы БГ, Шевчук или

Бугунов сами концертничали по подвалам перед аудиторией в восемь с половиной человек, в то время как на стадионах безраздельно царили бы агиты с газмановыми и титомыры с виками да низкими... Главное, как мне всегда казалось, это соблюдать Моральный Кодекс Строителя Царства Божия: не красть, не предавать, не убивать - и так далее. И только с этой точки зрения следует оценивать всех, включая и героев отечественного рок-н-ролла. Впрочем, я в очередной раз улекся и отвлекся, а, значит, самое время сворачиваться.

И ВОТ этот день пролетел, проскользнул между пальцев - как и сотни других до него - и опять ничего не изменилось, и не произошло чуда - да и какие, к лешему, чудеса в наше время, и все-таки, я очень рад, что удалось вот так остановиться, задержать сложение жизни, оглянуться, вспомнить, помянуть... Удалось подвести - хочется верить - еще не окончательные, но предварительные итоги и, наверное, сделать некие выводы. Собрать перекати-камни, заброшенные в разные нагорные Божь вестъ замки огороды в пылу жарких закулисных баталий. Собрать - и сохранить.

«Пушай эта ночь СОШЕТ мне лобовой мундир - Я стану Хранителем Времени Собора Камней»